

НОВЫЕ ПОДХОДЫ В ФИЛОСОФИИ ЯЗЫКА И ФИЛОЛОГИИ

УДК 161.25; 161.26

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ИМЕН СОБСТВЕННЫХ В КОСВЕННЫХ КОНТЕКСТАХ: ИМЕНОВАНИЕ *DE RE* И ФИКЦИИ

*И. Б. Микиртумов*¹

¹ Русское общество истории и философии науки,
Россия, 109240, Москва, ул. Гончарная, 12/1
Поступила в редакцию 10.12.2021 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2022-2-4

Исследуется проблема значения имен собственных и иных сингулярных термов в косвенных контекстах путем соединения проблематики пустых имен, жесткой десигнации и неспецифического прочтения. Объект установки может быть дан агенту как таковой (de re), в описании (de dicto), а также несколькими промежуточными способами. От анализа феномена жесткой десигнации автор переходит к теории объекта, рассматривая два варианта альтернативности – строгий, или лейбницевский, и слабый. Первый объясняет фактическое несуществование невозможностью, второй – случайностью. Здесь возникают два способа задания несуществующих (вымышленных) объектов – родство и двойничество, реализуемые в разных по своим чертам фреймах. Неспецифический характер присущ родственникам и двойникам по-разному. Особый случай образуют гибридные миры, в которых реальное и фиктивное встречаются. В результате анализа представлены пять вариантов ослабленного de re прочтения собственных имен и иных сингулярных термов в контексте установок. Описаны их особенности, затронут когнитивный эффект наррации, которая оперирует соответствующими установками.

Ключевые слова: семантика, имя собственное, пропозициональные установки, de re, фикция, жесткий десигнатор

1. Фикции и их неспецифический характер

Значение сингулярных термов, то есть имен собственных, референциально употребляемых дескрипций и демонстративов в косвенных контекстах остается для философской логики и формальной семантики актуальной темой, обсуждение которой идет уже более ста лет. В этой статье я хочу рассмотреть проблему значения пустого имени, или фикции, в нарративном высказывании, во-первых, в связи теорией жестких десигнаторов и, во-вторых, в сопоставлении с эффектом неспецифи-

© Микиртумов И. Б., 2022

ческого именованя *de re* в сообщениях о пропозициональных установках. Первый сюжет иллюстрируют предложения (1), (2), а следующий из них – (3)¹:

- (1) Фродо – мужественный хоббит из Шира.
- (2) Фродо – вымышленный персонаж романа Толкиена.
- (3) Существует мужественный хоббит из Шира, вымышленный персонаж романа Толкиена.

Предложение (1) истинно в реальности романа, (2) – в так называемой метафизической реальности, а (3) требует для своей интерпретации уточнения области квантификации и семантики предиката «вымышленный». Пустота имени «Фродо» в актуальном мире может быть значением неартикулированной переменной контекста, если (1) есть часть рассказа о Фродо, что позволяет сформировать универсум реальности романа. Но в (2) утверждение о несуществовании Фродо делает денотат этого имени либо возможным и в прагматическом аспекте вымышленным (Kripke, 2011) объектом, либо концептом. В последнем случае имеет место именование *de dicto*, что не соответствует прагматике высказывания, в котором Фродо подразумевается в качестве агента. В первом же случае объект дан неполно, так как неясно ни то, как обеспечить его возможность, комбинируя свойства, ни то, как расширить его «образ» за пределы всегда фрагментарного авторского описания. Это и создает эффект *неспецифичности*, который возникает при именовании *de re* тогда, когда объект дан в когнитивном контакте не непосредственно, но при помощи воображения такого метасемантического когнитивного контакта, соединяемого с перечислением свойств объекта. Представление объекта (по Фреге) или знакомство с ним (по Расселу) возникают здесь в особом модусе, который позволяет прочитывать именование неспецифическое *de re*. Его иллюстрируют следующие примеры «покупательских намерений» (Schwager, 2011):

- (4) Адриан хочет купить пальто такого же цвета, как пальто Мальте.
- (5) Мэри хочет купить небоскреб, в котором 164 этажа.

Сценарии интерпретации таковы. В (4) мы не знаем, воспроизводит ли говорящий намерение Адриана в тех словах, в которых Адриан сам его выразил или мог бы выразить, или же установка приписывается, поскольку говорящему известно сходство цвета пальто Мальте с цветом пальто, которые рассматривает Адриан. В любом случае пока нет никакого конкретного пальто, которое носил бы Адриан в мирах своих булетических альтернатив или на которое мог бы указать говорящий, но при этом в мирах альтернатив имеется какое-то пальто, которое, видимо, вот-вот будет куплено. В случае (5) Мэри указывает на небоскреб «Бурдж-Халифа» и заявляет, что хочет купить небоскреб, в котором

¹ Здесь и далее я, по возможности, использую распространенные в литературе примеры или их адаптации.

было бы на один этаж больше. Говорящий не знает, осведомлена ли Мэри о том, что в «Бурдж-Халифа» 163 этажа, а потому нет оснований приписывать Мэри установку, выраженную в (5). Кроме того, неясно, знает ли Мэри, что искомого небоскреба пока не существует. Но Мэри, как и Адриан, в своих булетических альтернативах так или иначе представляет себе обладание небоскребом.

Сингулярные термы реализуют дейктическую функцию языка, и создание общей теории их значения затрудняется большим разнообразием способов такой реализации. К проблеме фикций я обращаюсь в контексте формальной семантики, буду использовать аппарат возможных миров и обсуждать теорию жестких десигнаторов (Kripke, 1980). Современная дискуссия о значении пустых имен ведется на стыке референциальной и психологической семантик (Maier, 2017), где традиционное движение от смысла к денотату уходит на второй план и замещается движением от речевого действия к коммуникативной эффективности. В более мягкой форме это характерно для теории репрезентации дискурса Кампа и связанной с ней психологической семантики привязок (Kamp, Genabith, Reyle, 2003), ее когнитивистская версия представлена Реканати в теории ментальных файлов (Recanati, 2012; 2017), а Гёртс предлагает фиксировать обязательства говорящего, использующего сингулярный терм (Geurts, 2017), что, как мне кажется, отсылает и к наборам действий адресата сообщения, которые могут служить тестом на фиктивность. Семантический аспект вопроса состоит в том, как должен быть устроен универсум возможных миров, пригодный для интерпретации реальных и фиктивных имен, и какой механизм интерпретации следует для этого задействовать. При этом требуется определить, какая часть семантической информации остается за контекстом в статусе внешних данных и означает контекстуальные параметры.

Ниже я буду отталкиваться от решения проблемы значения фиктивных имен, предложенного Майером. Идея Крипке об особом статусе вымышленных объектов, который отличает их от объектов возможных, реализуется Майером с помощью элементов теорий репрезентации дискурса Кампа и динамически изменяющегося контекста (Heim, 1983). Появление в дискурсе сингулярных термов приводит здесь к постулированию существования их референтов, которое прагматически объясняется как действие авторского предписания или предложения адресату вообразить предполагаемый объект (Maier, 2017, p. 4). Вслед за этим возникают ментальные состояния, в которых сингулярные термы интерпретируются каузально, то есть предполагается цепочка объектов, именуемых именем в разных мирах. Привязка является необходимым прагматическим компонентом функционирования сингулярного терма, но она не гарантирует референции, коль скоро последняя связана с миром интерпретатора. Фикции получают референты в структурах, маркированных как структуры с воображаемыми объектами, где могут находиться и объекты реальные. При этом каждая такая структура несет с собой информацию о статусе введенных дискурсом вымышлен-

ных объектов (Maier, 2017, p. 35–36). По отношению к структуре, репрезентирующей воображаемое, сингулярный терм ведет себя как именующий свой объект *de re*, но за ее пределами именование превращается в *de dicto*. И здесь, как отмечают Рами и Циммерманн, мы не можем уловить отличия между ментальными актами, сопровождающими схватывание действительной и вымышленной истории. В обоих случаях возникают эпистемические установки и включается воображение, дающее предметы некоторым образом *de re* (Rami, Zimmermann, 2017, p. 74). Кроме того, вне рассмотрения Майера остаются эпистемологические и метафизические предпосылки, адекватные наивной языковой картине мира, дающие основания для дифференциации действительного и фиктивного и прямо связанные с условиями истинности выражений.

Ниже я представлю версию теории жестких десигнаторов, которая в совокупности с двумя альтернативными способами понимания существования объекта в мире позволит как описать свойства универсума миров, на которых определяется значение сингулярных термов, так и задать несколько видов именованя *de re*. Моя гипотеза заключается в том, что логико-семантическую особенность фикций составляет их неспецифический характер, природа которого является смешанной — эпистемологической и логической. Основание для этой гипотезы мне дают результаты исследований семантики сингулярных термов в сообщениях о пропозициональных установках, где как раз возникают неспецифические чтения термов *de re* (см: Schwager, 2011; Sudo, 2014; Tiskin, 2016). Их коммуникативная функция состоит в устранении дистанции между объектами в мирах пропозициональных установок и их прототипами в действительном мире за счет ослабления *de re* и смены регистра именованя на *de dicto*. Этот процесс имеет коммуникативную природу, и я согласен с М. Швагер в том, что для его анализа нужна теория не семантическая, а прагматическая (Schwager, 2011, p. 411). Если наборы обязательств и действий окажутся коррелятами сингулярных термов, то такая теория сможет охватить как именование в контексте пропозициональных установок, так и оперирование вымышленными объектами.

2. Именование несуществующих объектов и теория жестких десигнаторов

Объекты в мирах прошлого и будущего, в мире контрфактического настоящего, в мирах, описывающих мнения, верования, желания и пр., могут быть даны в двух модусах: *de dicto*, то есть посредством описания свойств объекта, и *de re* в разных его видах, то есть посредством прямого, косвенного или воображаемого когнитивного контакта. В литературе воображаемый контакт получил название имагинативного *de re*, которое будем обозначать как *de re^{imag}*. Расселовское знакомство с объектом, ведущее к формированию представления, в котором образ объекта дан вместе с обстоятельствами знакомства, создает здесь ментальный

файл (Recanati, 2012), в котором действительно воспринятый объект может быть замещен наброском объекта, полученным в ходе комбинации описания с восприятиями отдельных частей и качеств. Имея знакомство с красными розами и желтыми предметами, легко представить себе желтые розы, имея опыт общения с лошадьми и людьми, можно вообразить знакомство с кентавром. Практики, развитые в конкретных сферах деятельности, позволяют применять воображение вполне предсказуемо, порождая как объекты *de re^{imag}*, так и восприятия качеств. Последние занимают промежуточное положение между объектами и положениями дел и фокусируются на качестве или состоянии, но не на предметах, их порождающих. Это хорошо видно на примерах слуховых, запаховых, тактильных, кинестетических восприятий (Méndez-Martínez, 2019). Здесь *de re^{imag}* возникает из *de re* данного «внутреннего» состояния воспринимающего и данного *de dicto* предмета, который его аффицирует, ибо различные предметы, вызывающие одинаковое состояние, не могут быть при прочих равных условиях различены.

Знакомство, характеризуемое как привязка (якорь) сингулярного термина (Kamp, Genabith, Reyle, 2003), задает каузальную референцию в духе теории Крипке (Kripke, 1979). Любое использование такого термина несет с собой информацию о своего рода семантической пресуппозиции говорящего, которая состоит в том, что привязка однажды была осуществлена, что терм конвенционально обладает значением именно благодаря привязке и что от мира к миру сохранялась возможность когнитивного контакта с референтом имени. Эти обстоятельства подразумеваются, так что информация о привязке становится частью контекста, точнее, условий, диктуемых ситуацией употребления. Если привязка явно дана или использована в эпистемической установке, то отношение именованного становится фактом сигнификативного характера (Микиртумов, 2018). При использовании имени фиктивного объекта или передаче установки мы можем сделать такой факт содержанием пресуппозиции, восстанавливаемой в виде «префикса» высказывания (Lewis, 1978), что, например, для (1) даст (6):

(6) В мире романа Толкиена Фродо — это мужественный хоббит из Шира.

Такой префикс играет роль интенционального оператора, определяющего ситуацию произнесения. Другим способом задания привязки является параметризация, когда имени «Фродо» сопоставляется контекстуальная переменная, которая означает привязками *de re* или *de re^{imag}*, отсылающими, соответственно, к двум разным мирам. В обоих случаях значение имени определяется в ходе одной и той же процедуры, то есть при обращении к предметной области конкретного мира.

Еще два значимых контекста вводятся выражениями

(7) Фродо не существует.

(8) Имя «Фродо» не имеет референта.

Интерпретацию (7) можно дать либо используя предикат существования, либо трактуя имя как жесткий десигнатор и означивая из контекста неартикулированную переменную возможного мира. Для (8) нужны предикат именованности и онтология, содержащая знаки как сорт объектов. Такой предикат использует Майер (Maier, 2017, p. 19), а я с той же целью использую абстракцию отношения именованности, порождающую термы для объектов дейктических полей ситуаций (Микиртурмов, 2020). Предложение (8) выражает семантический факт и целиком принадлежит к метаязыку. Хотя (7) и (8) говорят, как кажется, об одном и том же, то есть выражают одну и ту же пропозицию, при формализации этих предложений используются разные средства. Отношение обозначения оказывается по меньшей мере трехместным и включает в себя знак, ситуацию и объект. При этом способ, каким в этом случае обозначается объект, не предполагает провала референции, и можно считать, что объекты называют себя автономно, то есть всегда имея внутреннюю привязку как данность субъекту тем или иным образом. Несуществующий в мире, то есть «внешне», объект опознается сначала как таковой «внутренне», а затем уже объявляется несуществующим. Мы оперируем объектом как тем, что может существовать или не существовать, быть реальным или вымышленным, возможным или невозможным, оставаясь при этом объектом.

Различение *de re* и *de dicto* отходит здесь на второй план, а на первый выступает то, каким способом объект может оставаться «тем же самым», претерпевая возникновение, трансформации и уничтожение. Наиболее известное решение предложено здесь Крипке и составляет содержание его теории жестких десигнаторов (далее — RD) (Kripke, 1980). Она вызвала обширную и продолжающуюся до сих пор дискуссию (см.: LaPorte, 2016), которой я касаться не буду, но изложу свое понимание того, чем являются RD.

RD, будучи смыслом термина, функционирующего как имя собственное, призван обозначать «один и тот же объект» во всех возможных мирах. Взятая в кавычки фраза является ключевой и не подразумевает отношения тождества знаков, денотаты которых совпадают. «Один и тот же» означает не тождество, но идентификацию, которая связывает объекты из двух возможных миров. В силу того что эти объекты принадлежат к разным мирам, свойства их различны и поставить знак тождества между именами этих объектов нельзя. Идентификация же связывает два разных объекта, но позволяет сказать, что это «один и тот же» объект, который меняет свои свойства при переходе от мира к миру. В этой трансформации я в действительности или в возможности удерживаю с объектом когнитивный контакт, который дает мне идентичность того, что трансформируется. Такая идентификация есть феномен, который при анализе значения имеет статус внешних данных. В предположении удержания когнитивного контакта идентификация возникает прежде, чем я фиксирую свойства объекта, что важно, если меня интересуют именно трансформации объекта. Если же когнитивный контакт не постоянен, то лакуны я заполняю, опираясь на свойства объектов, как они

даны мне в наивной языковой картине мира, то есть исхожу из общих представлений об устойчивости или неустойчивости свойств тех или иных видов и родов объектов, идентифицирую скорее похожее, чем непохожее, так что непредсказуемые изменения часто становятся причиной утраты идентификации.

Модель отношения идентификации имеет как эмпирические, так и метафизические основания, восходящие к традиции аристотелевского различения сущности и приходящего в «Категориях» и механистической теории объектов Лейбница. В последней возникновение, трансформация и уничтожение материального объекта увязаны со всем движением материи (Лейбниц, 1984, с. 383). Объект появляется в результате соединения других, прежде разделенных объектов, затем существует как целое, меняя свои свойства, и наконец уничтожается, распадаясь на элементы, начинающие с этого момента вести жизнь отдельных объектов. Идентификация, таким образом, может связывать не только разные состояния объекта, но и совокупность его частей с ним как целым, так что, например, желудь, древний дуб и доска паркета в определенном смысле оказываются «тем же самым» как логико-онтологически, когда, по Аристотелю, желудь есть дуб в возможности, а дуб — паркет в возможности, так и материально-механически, когда, по Лейбницу, желудь разворачивается в дуб, а дуб, распадаясь, дает существование доскам паркета. Если имя собственное благодаря акту именования получает референт в некотором мире, то в последовательностях миров, которые образуют прошлое и будущее этого мира, всегда можно найти либо сам этот объект в его трансформированном виде, либо совокупности частей, из которых он возникает или на которые распадается.

Определим RD более формально. Пусть W — частично упорядоченное по времени дискретное множество миров, D_w — домен мира w , A — имя собственное или иной сингулярный терм, который наделен функциями имени собственного. Зададим интерпретацию I констант, частичную для констант индивидуальных и полную для предикатных. При построении модели по такой интерпретации, то есть при придании значения всем выражениям языка, мы, возможно, столкнемся с пустыми именами и, следовательно, какие-то выражения не получат значения, что сделает модель и мир неполными. Пусть в мире u сингулярный терм A обозначает объект d^* . Назовем u миром привязки A , существование которого необходимо для определения жесткого десигнатора. Множество пар вида $\langle w_n, d \rangle$ и $\langle w_{n+1}, \emptyset \rangle$, где на месте левого члена находится мир, а на месте правого — референт A в этом мире или пустое множество, задает трансмировую линию, или ряд идентичности A в модели M . Ему сопоставляется перечисление всех свойств, которыми обладают денотаты A в каждом из миров. Там, где A пусто, это перечисление также пусто. Полное описание объекта d мира w в модели M обозначим как $descr(d, w)^M$, в общем случае оно будет бесконечным. Множество всех описаний объектов из ряда идентификации A , включая пустые там, где A лишено денотата, образуют жесткий десигнатор:

$$A^{RD M} = \{descr(d^*, u^*)^M, \dots descr(d_n, w_n)^M, descr(d_{n+1}, w_{n+1})^M, \dots\},$$

где $d' = \llbracket A \rrbracket^{M, w'}$, и в пустом для A мире w_n имеет место $descr(d^*, w_n)^M = \emptyset$, где отсылка к референту A дается через референт привязки. Очевидно, что для термина A будет существовать столько версий A^{RD} , сколько существует моделей, дающих A привязку, но нас интересует одна из «естественных» моделей, то есть таких, которые отражают значения слов естественного языка и представления субъекта о правдоподобных и «нормальных» трансформациях объектов от мира к миру². Индексы модели далее опускаем.

Итак, A^{RD} как смысл термина A есть перечень описаний денотатов A в каждом из миров и отличен от индивидуального концепта, который является функцией, сопоставляющей имени денотат в каждом мире. A^{RD} обозначает один и тот же объект во всех возможных мирах, только объектом этим является набор описаний, то есть сложно устроенный концепт, а не индивид. Этот концепт в каждом возможном мире задает функцию, которая позволяет построить ряд идентичности для A . Тем самым A^{RD} содержит всю информацию о динамике значения A при переходе от мира к миру³. Как концепт A^{RD} является функцией типа $\langle s, \langle s, \langle \langle s, e \rangle, t \rangle \rangle, t \rangle$. Это значит, что не всякий индивидуальный концепт типа $\langle s, e \rangle$ задает последовательность объектов, адекватную той, которую мы связываем с рядом идентичности для A , поэтому из множества таких концептов выбираем единственный ему удовлетворяющий, используя для этого свойство типа $\langle s, \langle \langle s, e \rangle, t \rangle \rangle$. При этом «история» объекта по-разному видна из каждого мира, так что указанное свойство должно быть задано концептом типа $\langle s, \langle \langle s, e \rangle, t \rangle \rangle$. В свою очередь, из множества таких концептов выбирается один, так что задается еще одно свойство, имеющее теперь тип $\langle s, \langle \langle \langle s, e \rangle, t \rangle, t \rangle \rangle$, и, наконец, это свойство также задается для каждого мира концептом типа $\langle s, \langle s, \langle \langle s, e \rangle, t \rangle \rangle, t \rangle$. Это тип имени собственного у Монтегю, который, правда приписывается сингулярным терминам во всех случаях (Montague, 1973), тогда как здесь это требуется лишь там, где имя оказывается пустым. Композициональная интерпретация достигается в этом случае благодаря типовой амбивалентности,

² В общем случае созданная моделью история объекта может противоречить логическим или физическим законам мира. Здесь мы не просто отделяем действительный мир от контрфактического и утверждаем, что они недостижимы друг для друга, но разделяем две последовательности миров, не имеющие ни одного общего мира. Пусть, например, универсумы некоторых двух миров таковы, что первый по времени содержит только тела из железа, а второй — только из золота. В этом случае, если какая-либо кросс-мировая идентификация вообще будет иметь место, то железный объект трансформируется в золотой. Физически такие миры, кажется, недостижимы друг для друга, логически же достижимы, поскольку требование непротиворечивости относится к мирам, а идентификация логически возможна между объектами с любыми свойствами.

³ Так полагал и Лейбниц: «понятие индивидуальной субстанции раз навсегда заключает в себе всё, что может когда-либо произойти с ней, и... рассматривая это понятие, можно увидеть в нем всё, что можно будет справедливо высказать о ней, подобно тому, как в природе круга мы можем усмотреть все свойства, которые можно вывести из нее» (Лейбниц, 1982, с. 135).

позволяющей переопределить тип терма, если он пуст, с e на $\langle s, \langle s, \langle \langle s, e \rangle \rangle \rangle, t \rangle$. Фактически в естественной интерпретации A^{RD} есть множество описаний денотатов A в мирах, и $A^{RD}(w) = descr(\llbracket \text{Фродо} \rrbracket^u, w)$.

Определение значения предложения с пустым именем «Фродо» в мире w может выглядеть так:

$$(9) \llbracket \text{Фродо}^{RD} \text{ скучает} \rrbracket^w = T \Leftrightarrow \langle \llbracket \text{скучать} \rrbracket, w \rangle \in \llbracket \text{Фродо}^{RD} \rrbracket \Leftrightarrow \langle \lambda x. x \text{ скучает}, w \rangle \in descr(\llbracket \text{Фродо} \rrbracket^u, w).$$

Поскольку $descr(\llbracket \text{Фродо} \rrbracket^u, w) = \emptyset$, свойство «скучать» не принадлежит к числу свойств Фродо в мире w , и (9) ложно.

Условия истинности (7) при тех же условиях таковы:

$$(10) \llbracket \text{Фродо}^{RD} \text{ не существует} \rrbracket^w = T \Leftrightarrow \text{неверно, что } \llbracket \text{Фродо}^{RD} \text{ существует} \rrbracket^w = T \Leftrightarrow \text{неверно, что } descr(\llbracket \text{Фродо} \rrbracket^u, w) \neq \emptyset \Leftrightarrow descr(\llbracket \text{Фродо} \rrbracket^u, w) = \emptyset.$$

Здесь тип предиката существования определяет и тип аргумента «Фродо».

3. Семантическая информация о несуществующем

RD, построенный по трансмировым линиям и интерпретируемый «естественно», как последовательность когнитивно отождествляемых объектов, отвечает прежде всего той последовательности миров, которая завершается актуальным миром и может быть названа актуализированной. Объекты актуального мира имеют первую привязку в нем или в одном из предшествующих миров, объекты, существовавшие ранее, имеют для нас косвенную привязку, тогда как объекты, не имеющие таких привязок, оказываются фикциями. Если бы жесткий десигнатор можно было определить без привязки, фикции могли бы интерпретироваться как всюду неэкземплифицированные жесткие десигнаторы. Но такие сущности даны *de dicto* и, следовательно, могут быть заменены дескрипциями. Вместе с тем фиктивные имена употребляются иногда с очевидной прагматикой *de re*. Говорящий дает здесь понять, что объект определенным образом доступен для знакомства. Это возвращает ему «нормальность», поскольку появляется привязка и, как следствие, возможность иметь дело с RD. Таким образом, существуют следующие варианты обращения с сингулярным термом: (1) привязка в актуальной последовательности миров и последующий выбор между интерпретацией *de re* в действительном мире и RD, (2) привязка в иной последовательности миров и последующий выбор между интерпретацией *de re^{imag}* и RD, возможно, модифицированным в связи с изменением характера когнитивного контакта.

Рассмотрим несколько примеров. Пусть выражение

$$(11) \text{ Мальчик на портрете — это будущий император Наполеон}$$

интерпретируется в актуальном мире. Привязка обоих термов — «мальчик на портрете» и «Наполеон» — косвенная, но «мальчик на портрете» употреблен *de re*, что вынуждает трактовать имя «Наполеон» как

жесткий десигнатор. НаполеонRD содержит информацию обо всех состояниях объектов, идентифицируемых с ним в прошлом и будущем, а временной оператор указывает два интервала. В первом Наполеон — это мальчик, с которого нарисован портрет, во втором — император. Высказывание (11) истинно тогда, когда свойство «быть мальчиком, с которого рисуют портрет», входит в описание референта имени Наполеон в том мире, в котором наличествует мальчик.

(12) Из Маши, возможно, получится отличная Снегурочка.

Здесь даны две временные точки, в которых присутствуют две идентифицируемые Маши, но первая еще не пробовала себя в амплуа Снегурочки, а вторая достигла в нем успеха. МашаRD дана здесь в спектре возможностей. Освоит Маша роль Снегурочки, останется снежинкой или вовсе не будет участвовать в празднике — это те свойства Маши в будущем, которые сегодня относятся к разным версиям МашаRD. Их, впрочем, можно объединить и включить в МашаRD, если в коммуникации требуется указать вероятные и нетривиальные свойства Маши в будущем:

(13) Маша — это наша будущая Снегурочка или снежинка, если, конечно, она к елке не простудится.

Миры будущего относятся к альтернативным ветвям актуализированной последовательности, которые появляются при интерпретации (12), ветвится и МашаRD.

В предложенной мной трактовке жесткого десигнатора наличие или отсутствие в мире некоторого объекта увязано со свойствами всех прочих. В мире, в котором нет Бэнкси, все отношения к нему всех существующих объектов ложны или не определены, но имя «Бэнкси» употребляется *de re*, так что предполагается его привязка к иной последовательности миров. Все объекты миров, в которых Бэнкси нет, отличны от всех объектов миров, где Бэнкси есть⁴. Следуя Лейбницу, можно сказать, что там, где Бэнкси нет, его не может быть, а там, где он есть, его не может не быть. В последовательности миров не могут стоять рядом такие два мира x и y , для которых появившийся в y объект не имеет предка в x , а присутствующий в x объект не имеет потомка в y , хотя бы в виде неопределенных и разрозненных «фрагментов». При движении во времени могут происходить интеграции, трансформации и дезинтеграции объектов, в ходе которых, соответственно, вместо нескольких появляется один, свойства второго объекта изменяются, третий распадается на несколько, так что к числу свойств объекта принадлежит и «память» об этих видах его движения, зафиксированная в RD.

Фиктивное отличается от действительного, во-первых, тем, что имеет привязку в мирах последовательности, не являющейся актуализиро-

⁴ Вопрос о различении «внутренних» и «внешних» свойств объектов снимается многообразием миров. Например, Луна остается «внутренне» не связанной с Дедом Морозом в тех мирах, где он не проезжает и по ее поверхности, меняя тем самым «внутренние» свойства Луны, и такого рода обстоятельства можно подобрать для любого объекта.

ванной, во-вторых, тем, что его описание не может быть непротиворечиво совмещено со свойствами действительного мира, и, наконец, в-третьих, тем, что не проходит прагматический тест на действительность, то есть ускользает от подлинного знакомства. Назовем последовательности, которые являются случившимися в прошлом ответвлениями актуализированной, *контрфактическими*, тогда как последовательности, не имеющие с актуализированной ни одного общего мира, — *параллельными*. И те, и другие являются альтернативными по отношению к актуализированной.

Когда я вижу Машу, которая, если судить по ее словам и действиям, пишет письмо Бэнкси, я описываю положение дел либо в мире Маши, либо в моем мире, используя для этого систему именования либо Машины, либо мою. Высказывание может порождать двусмысленность, если я буду говорить о фиктивном для адресата моего сообщения как о реальном:

(14) Маша пишет письмо Деду Морозу,

и, вдобавок, использовать мою систему именования вместо Машиной:

(15) Маша пишет письмо Санта-Клаусу.

Что подталкивает меня к употреблению фиктивных имен и к смене именования? Попытаюсь ответить на этот вопрос по частям.

Говорящий (S), его адресат (A) и носитель установки (H) могут иметь разные представления о том, существуют ли Дед Мороз или Бэнкси. Будем считать, что гипотезы говорящего объективно верны, но что S, A и H не знают об установках друг друга относительно Деда Мороза и Бэнкси. В каждом из случаев мы получаем характеристику прагматики высказывания для A, который оказывается в роли интерпретатора, оперирующего наименьшим объемом информации, то есть вынужденного рассматривать наибольшее количество сценариев. В таблице ниже «+» и «-» означают существование и несуществование Бэнкси для A, а также, с точки зрения A, — для S и H.

(16) Маша пишет письмо Бэнкси.

Сценарии интерпретации выражения (16)

Сценарий	A	A: S	A: Маша	Интерпретация
1	+	+	+	S может заблуждаться относительно установок
2			-	Маши, если Маша имитирует действие (2)
3	+	-	+	S иронизирует по поводу Маши, но ирония не
4			-	видна A. S может заблуждаться относительно установок Маши, если Маша имитирует действие (4)
5	-	+	+	S может заблуждаться относительно установок
6			-	Маши, если Маша имитирует действие (6). A может предполагать иронию в словах S
7	-	-	+	S иронизирует по поводу Маши. S может заблуждаться относительно установок Маши, если
8			-	Маша имитирует действие (8). A может предполагать иронию в словах S

Сценарии (1)–(4) для А неразличимы, но А ориентирован собственной установкой на принятие скорее сценариев (1) и (3). Сценарии (5)–(8) для А также неразличимы, и А будет склонен допускать иронию в словах S. Наибольшее расхождение с «наивной» интерпретацией происходит при сценариях (4) и (8). В (4) Маша имитирует написание письма, а говорящий иронизирует по ее поводу, так что А, убежденный в существовании Бэнкси, должен будет идти наперекор своей установке, а затем принимать на веру ложную привязку имени «Бэнкси». В (8) А не верит в существование Бэнкси, в то время как высказывание S и его содержание создают впечатление, будто S и Маша считают Бэнкси существующим.

Какую семантическую информацию может извлечь А в перечисленных сценариях? Возьмем сначала отношение между А и Машей. В сценариях (1)–(4) предположение о том, что Маша действительно пишет письмо Бэнкси, оставляет А в актуализированной последовательности миров, где для А имя «Бэнкси» имеет привязку. Если А допустит, что Маша имитирует написание письма, то окажется, что для Маши «Бэнкси» привязано к параллельной последовательности миров и сама Маша, узнай она об установках А, будет относить его привязку «Бэнкси» к такой последовательности. Эти последовательности несовместимы, но, как мы видим, имя «Бэнкси» привязано к одной из них. В сценариях (5)–(8) А относит привязку «Бэнкси» к последовательностям миров Маши и говорящего, хотя они могут отрицать существование Бэнкси. Если А предположит сценарий (8), то как может выглядеть привязка «Бэнкси» для всех участников коммуникации? Маша здесь пишет письмо несуществующему контрагенту, то есть осуществляет имитацию с целью ввести кого-то в заблуждение. Она может хотеть создать впечатление, во-первых, что верит в существование Бэнкси, во-вторых, что Бэнкси существует. Если А считает Бэнкси реальным, то манипуляция Маши терпит неудачу независимо от того, стало ли ее намерение известно А, если же А считает Бэнкси несуществующим, то попытка обмана вскроется лишь при анонсировании установок Маши. В этом случае А получает семантическую информацию особого рода. Поскольку намерением Маши было создать у кого-то впечатление, что Бэнкси существует, привязка имени «Бэнкси» производится в последовательности миров, которые соответствуют установкам агента, считающего Бэнкси реальным. Но что это за агент? Возможно, такого агента нет вовсе и намерение Маши состоит как раз в том, чтобы такого агента посредством манипуляции получить. Предположим, что некий Том, услышав о том, что Маша пишет письмо Бэнкси, решил, что Бэнкси существует, хотя раньше он думал, что это медийный фантом. Привязка имени «Бэнкси» для Тома существует в последовательности миров, которую он соотносит с Машей и делает теперь своей. Это косвенная привязка. Но мы знаем, что миры Маши вовсе не таковы и что сама Маша привязывает имя «Бэнкси» к мирам агента, предполагающего его существование, то есть к мирам Тома, так что на вопрос, кто верит в существование Бэнкси, Маша могла бы ответить, что верит тот, кого она смогла

или сможет обмануть, кто поверил или поверит в то, что употребление Машей имени «Бэнкси» основано на привязке в актуализированной последовательности. В момент произнесения говорящим фразы «Маша пишет письмо Бэнкси» такого человека может не быть, так что привязка относится к последовательности миров, соотносимой с возможным агентом в возможном мире будущего. Когда намерения Маши очевидны, становится понятным такой обмен репликами:

- Маша пишет письмо Бэнкси.
- Ну, нет, на этот раз ей не удастся никого обмануть.

Мы не взвешиваем вероятности выбора адресатом сценария интерпретации (16), и адресат должен, во-первых, применить общее семантическое правило для интерпретации имени «Бэнкси» и, во-вторых, избрать прагматическую стратегию для конкретной ситуации произнесения, позволяющую придать «Бэнкси» чтение *de re^{imag}*.

4. Гибридные миры и «склейки» последовательностей миров

Что делать адресату, если он захочет исходить из сценариев (3) и (7)? Они интересны тем, что говорящий совмещает в одной фразе Машу и Бэнкси, то есть реальное и фиктивное. Как возможен мир, в котором оба имени имеют референт, хотя одно из них фиктивно? Этот вопрос отсылает к группе возможностей, в которых реальное и фиктивное соединяются в одном мире.

Так, в «Воине и мире» Толстого Элен Безухова удостоивается одобрения со стороны Наполеона, а в «Дон Кихоте» Сервантеса герой читает роман о самом себе, написанный Авельянедой, и оценивает как ложь излагаемые там сведения. В первом случае реальное и фиктивное относятся, соответственно, к актуализированной последовательности миров и к последовательности, адекватной диегезису романа. Во втором случае в вымышленной реальности романа Сервантеса возникает реальный роман Авельянеды и его вымышленная реальность. Отличие «Наполеона» от «Элен» в том, что первое имя имеет привязку в двух мирах, тогда как последнее только в одном, что формально определяет литературный прием. Имя «Дон Кихот» также привязано в двух последовательностях миров, а именно к мирам романа Сервантеса и к мирам романа Авельянеды. Если в них Дон Кихоту снится сон, то его персонажи пребывают в мирах, которые для Дон Кихота являются второй, а для нас – третьей альтернативной реальностью. Во всех этих случаях когнитивный эффект возникает вследствие того, что читатель знает о принадлежности персонажей к разным последовательностям миров. Это не просто подчеркивает вымышленный характер ситуаций, но дает импульс воображению читателя для домысливания прошлого и будущего появившегося «гибридного» мира, то есть, в терминологии Майера, для паразитических установок (Maier, 2017, p. 11–14). Для имен, имеющих двойную привязку, важно, что вторая привязка предполагает первую. Это соответствует познавательному интересу к тому, какие

свойства обнаружит реальный объект в вымышленных обстоятельствах. Такой интерес распространяется и на вымышленные объекты, относящиеся к разным реальностям. Их совмещение в одной — гибридной, по-видимому, отвечает интеллектуальной потребности сравнивать и соотносить⁵, в частности то, что относится к разным последовательностям миров.

Гибридный мир не может непротиворечиво вместить Наполеона и Элен, поэтому там оказываются их льюисовские двойники, а не идентифицируемые объекты. В какой степени двойник Наполеона сохраняет свои свойства, попадая в мир, в котором существует Элен, и в какой степени сохранит свои свойства Элен, если, отталкиваясь от встречи в Эрфурте, мы «паразитически» разовьем историю отношений Наполеона и Элен? Когнитивный эффект достигается в наибольшей степени, когда сохраняется как можно больше оригинальных свойств объектов, так что можно было бы сказать, что это «тот самый Наполеон» и «та самая Элен», а их модификации ограничиваются не более чем необходимым приспособлением к гибридному миру. Их встреча в нем является необходимым условием, гипотезой, из которой одни свойства этого мира должны следовать, тогда как другие свойства не должны ей противоречить. Это значит, например, что Наполеон едет в Эрфурт, а Элен находится при дворе Александра и является безусловной красавицей. Мы не можем быть уверены в том, что обе персоны сохранят в гибридном мире свои свойства достаточно полно для того, чтобы не перестать быть «теми же самими», поскольку между оригинальными мирами и миром гибридным нет отношения идентификации, но осуществляется именно сравнение. Речь идет об объектах, которые в гибридном мире в максимальной возможной степени похожи на Наполеона и Элен, так что их объектность дана так или иначе *de re*, тогда как конечный набор черт Наполеона, позволяющий установить отношение двойничества с актуализированным Наполеоном, задает его *de dicto*, и соединение двух этих регистров образует неспецифическое *de re*.

Между Наполеоном в актуализированной последовательности и его двойником в альтернативной, как уже было сказано, нет отношения идентификации. Последнее существует там и тогда, когда предполагается когнитивное свидетельство трансформации объекта, то есть возможен контакт носителя установки именованного с объектом, в ходе которого возникает преемственность привязок. При переходе от одной последовательности миров к другой эта операция требует дополнительных условий. Наполеон в мире, в котором он встречается с Элен, имеет другую историю, поскольку все объекты в этом мире имеют другую историю. Начав повествование с того момента, когда Элен прибывает в Эрфурт, мы производим «склепку» между актуализированной

⁵ Я оставляю в стороне специфику этого интеллектуального запроса, связанную, по-видимому, с освоением интеллектуальных операций. Это могло бы объяснить, почему вторичная фиктивность, например, вселенной Марвел, в которой сведены персонажи многих историй, пользуется успехом у детской и подростковой аудитории.

последовательностью миров, в которой не было Элен, и альтернативной, в которой она появляется. При этом прошлое не может оставаться тем же самым, ибо, согласно описанной выше метафизической установке, Элен не может взяться ниоткуда. Ее появление в некотором мире предполагает «фрагменты» в предшествующих мирах, так что модификации подвергается вся последовательность. Иными словами, в рамках лейбницевого подхода встреча Наполеона с Элен в Эрфурте порождает модифицированное прошлое и, следовательно, новую последовательность миров целиком, включающую как модификацию актуального мира, так и модификацию говорящего.

Можно спросить, существует ли мир, принадлежащий в прошлом обоим последовательностям — вновь полученной альтернативной и актуализированной? Если это так, то можно пройти путь, свидетельствующий о трансформации Наполеона, сначала ретроградно от актуального Наполеона к этому общему миру как по ветви дерева к сочленению, а затем, уже по другой ветви, к Наполеону, повстречавшему Элен. В этом случае мы получим *de re* идентификацию двух Наполеонов из двух последовательностей миров в древовидном фрейме. Объекты здесь не являются двойниками, которые обнаруживаются благодаря сходству по перечню свойств, но они не связаны и отношением идентификации, поэтому я буду называть их отношение друг к другу родством. В случае родства имена получают общую привязку в общем прошлом, что обеспечивает интерпретацию имени «Наполеон» в обеих последовательностях, а также в последовательностях миров мнения Элен (ее докастических альтернатив), при которой станет приемлемой «прозрачная», то есть происходящая относительно актуального мира, интерпретация (Schwager, 2011, p. 397–398), например выражений

(17) Элен понравилась Наполеону.

(18) Элен поняла, что понравилась автору секретных статей Тильзитского договора.

Для последнего выражения возможно так называемое третье прочтение, а именно такое, когда Элен не знает о тайных статьях, «автор секретных статей» получает денотат в актуальной последовательности и происходит замена именованного, используемого Элен, на именованное говорящего.

Здесь разветвление последовательности миров порождает две версии НаполеонRD, в которых свойства Наполеона до разветвления модифицируются, чтобы они оказались релевантными мирам, модифицированным так, чтобы в ходе ветвления возникли две последовательности — одна с Элен, вторая без нее. Какими должны быть эти модификации и возможны ли они вообще, мы, конечно, сказать не можем. Гипотеза о схождении в прошлом актуальной и альтернативной последовательностей, когда в последней присутствует новый объект, приводит нас к модификации прошлого обеих последовательностей, с которым мы можем быть не готовы согласиться. Это дает основание для отрицательного ответа на вопрос о ветвлении, и тогда, коль скоро последовательности ни-